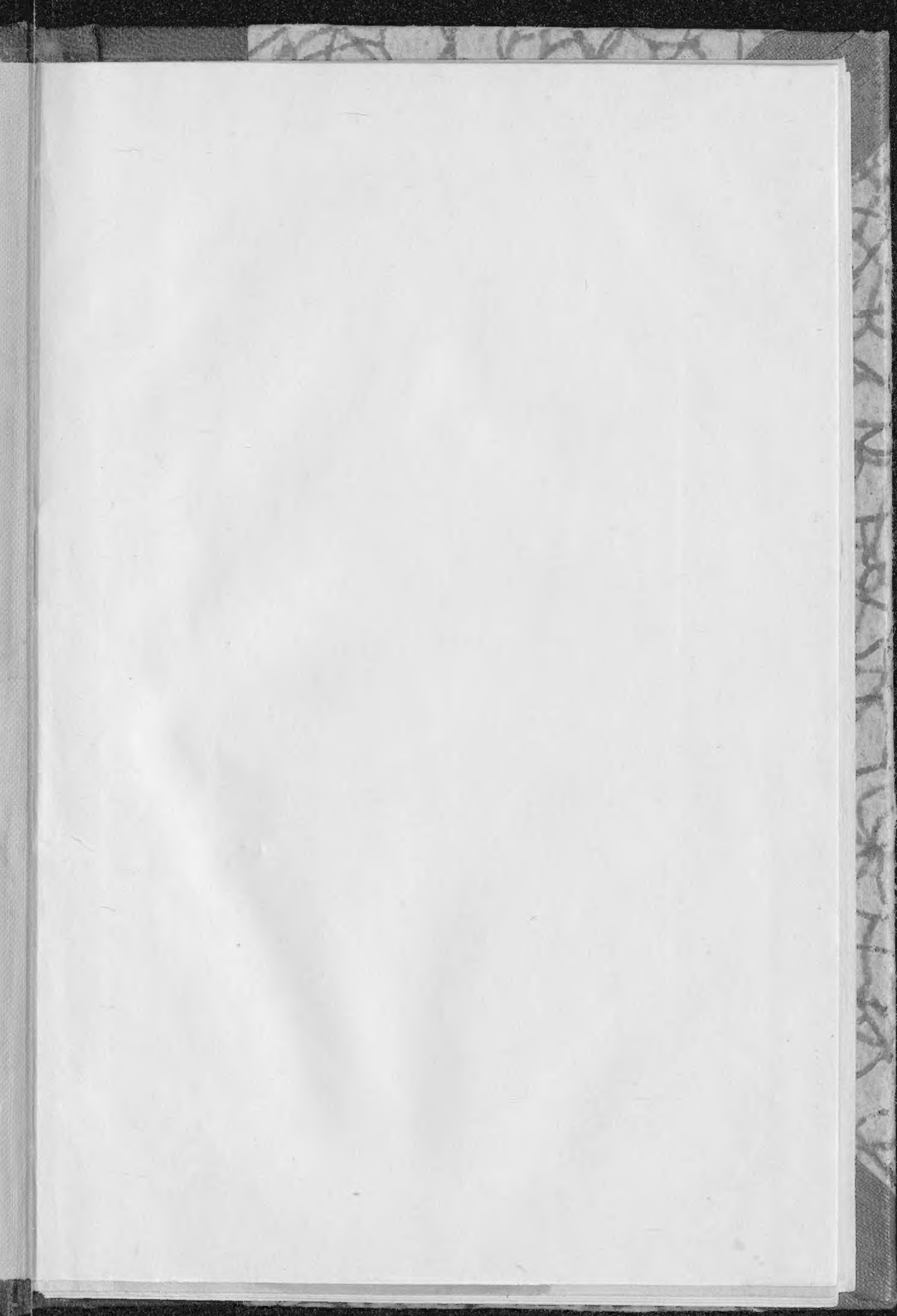

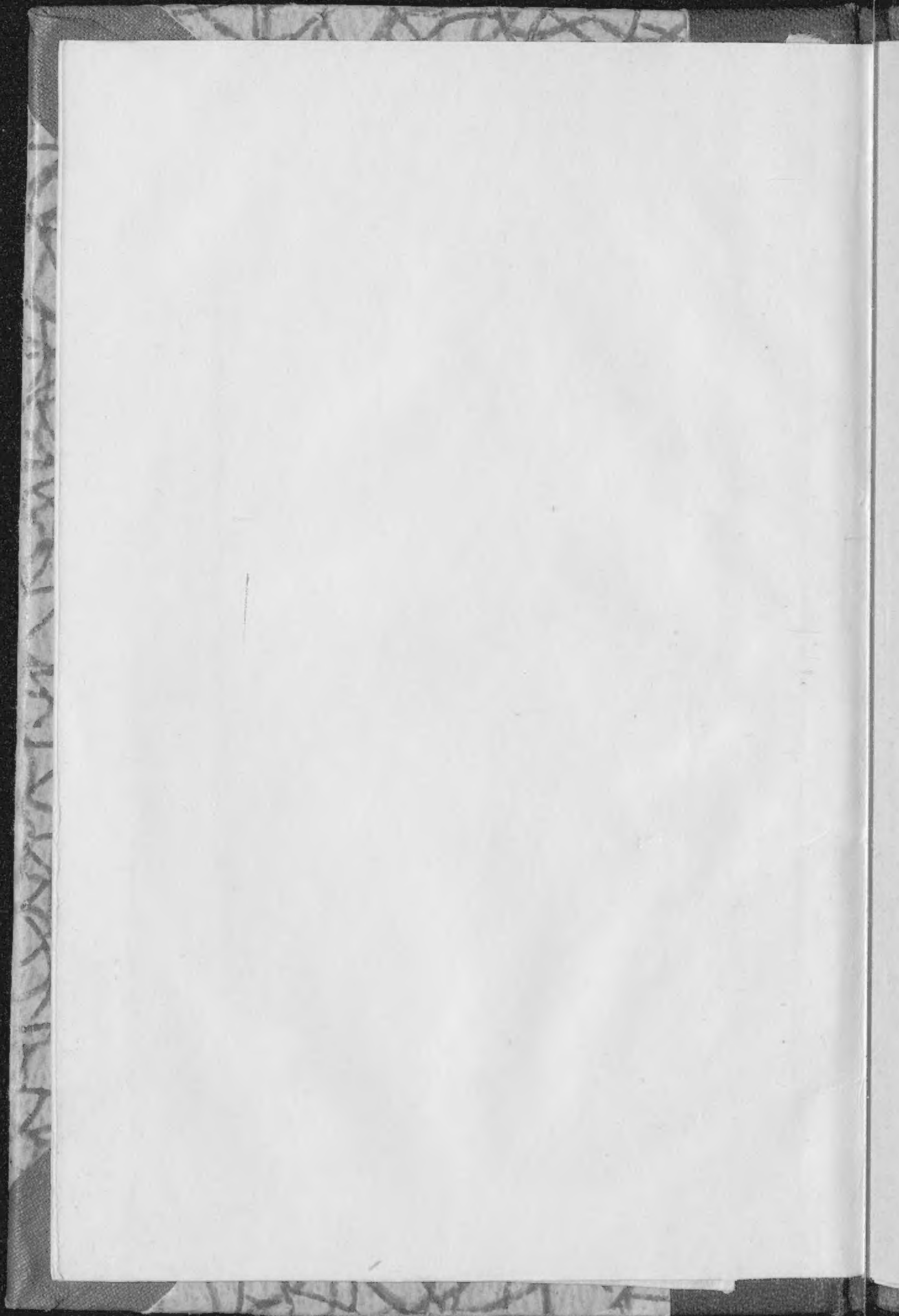
Pd $\frac{20}{962}$

1894
JAN 12
NEW YORK
LIBRARY

Rede von Tschitscherin,

РѢЧЬ

Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Московского Городского Головы,

16-го мая 1883 г.

Эпизодъ изъ истории коронаціи въ Москвѣ.

Съ предисловіемъ

Р. Р.

BERLIN.

B. Behr's Verlag (E. Bock).

1883.

Stadthaupt von Moskau

Р 20
962

РѢЧЬ
Б. Н. ЧИЧЕРИНА

Московского Городского Головы,

16-го мая 1883 г.

Эпизодъ изъ исторіи коронаціи въ Москвѣ.

Съ предисловіемъ

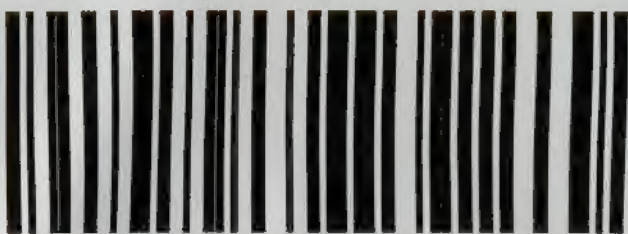
Р. Р.

17.39

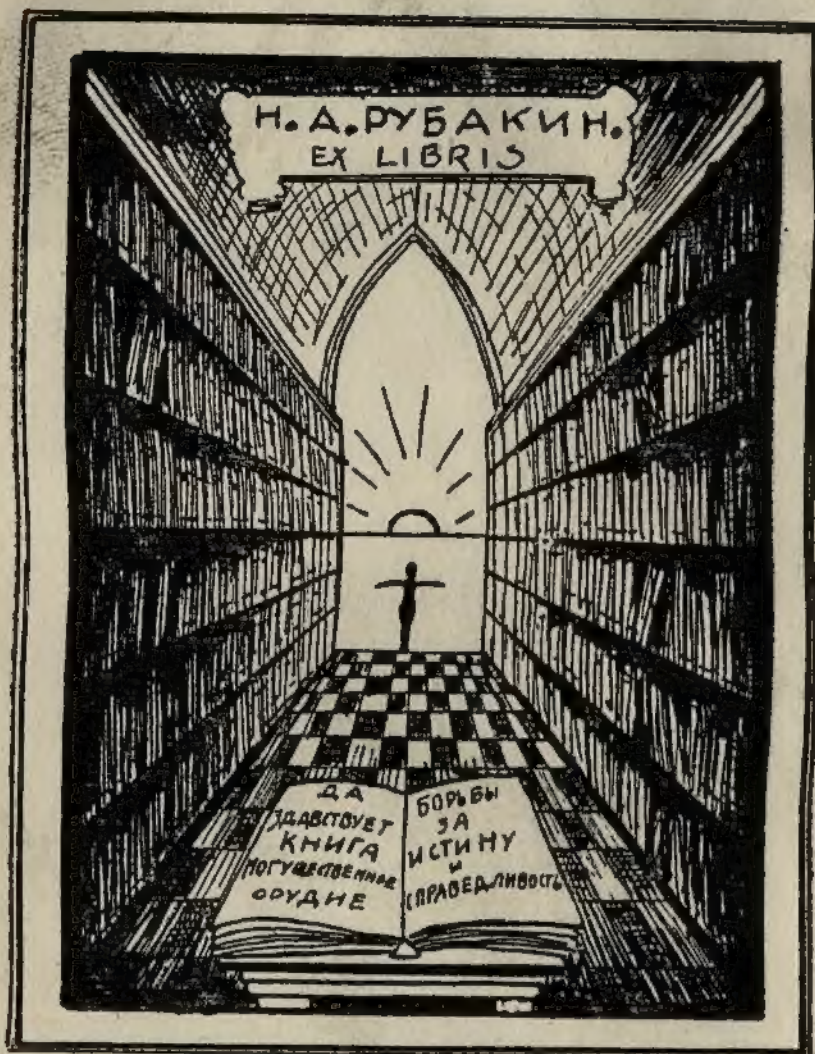

BERLIN.
B. Behr's Verlag (E. Bock).
1883.

2020075350

Государственная
ордена Ленина
БИБЛИОТЕКА СССР
им. В. И. ЛЕНИНА

114438-48

РѢЧЬ Б. Н. ЧИЧЕРИНА.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

На слѣдующій же день послѣ коронованія Государя Императора, въ понедѣльникъ, „16-го мая, въ пять часовъ, въ залѣ Большой Московской гостиницы собрались на обѣдъ всѣ губернскіе Городскіе Головы со своими ассистентами. Послѣ восторженно принятыхъ тостовъ, провозглашенныхъ за здоровье Ихъ Императорскихъ Величествъ, каждый изъ присутствующихъ получилъ по рисунку, изображающему Ихъ Императорскія Величества въ моментъ коронованія. Распорядители обѣда, по уполномочію всего собранія, отправили привѣтственную телеграмму старостѣ (?!) Исаакіевского собора, которымъ издана эта картина на память русскимъ людямъ о великомъ для Россіи днѣ. Въ телеграммѣ выказывается, что „каждый изъ получившихъ охранить изображенія Ихъ Императорскихъ Величествъ для потомства.“ Вотъ и все,

что было сказано объ этомъ обѣдѣ 16-го мая на слѣдующій день, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“, а потомъ повторено другими газетами Москвы и сообщено по телеграфу петербургскія газеты — и ни слова болѣе. Изъ газетнаго заявленія можно вывести только одно, а именно, что главнымъ героемъ этого обѣда былъ „староста Исаакіевскаго собора“ въ Петербургѣ, проживавшій однако въ то время въ московской гостинницѣ „Дрезден“, гдѣ находился и министръ внутреннихъ дѣлъ гр. Д. А. Толстой; извѣстно, что этотъ „староста“ — не кто иной, какъ знаменитый Евгений Богдановичъ, а потому легко угадать, что и самое сообщеніе объ обѣдѣ въ „Московскія Вѣдомости“ было послано имъ же самимъ, кто же не знаетъ его привычки самому телеграфировать отовсюду въ газеты о себѣ и о восторженныхъ пріемахъ, какія оказываются ему, напримѣръ, во время его поѣздокъ областными городами, молящими именитаго путешественника походатайствовать предъ министрами (а они всѣ — непременно его друзья) то о проведеніи желѣзной дороги, то о другихъ какихънибудь нуждахъ и пользахъ края. Удивительно, при всемъ этомъ, одно только обстоятельство: почему, вечеромъ того же дня, министръ внутреннихъ дѣлъ распорядился ра-

слать циркуляръ редакціямъ московскихъ газетъ, переданный по телеграфу и петербургскимъ, съ строжайшимъ запрещеніемъ, под страхомъ административной пріостановки изданія на шесть мѣсяцевъ, упоминать объ этомъ обѣдѣ Городскихъ Головъ, героемъ котораго былъ, повидимому, одинъ г. Евгеній Богдановичъ, благочестивѣйшій староста Исаакіевскаго собора? Что могло случиться за обѣдомъ, на которомъ, какъ засвидѣтельствовали сами „Московскія Вѣдомости“, былъ восторженно встрѣченъ тостъ за здоровіе Ихъ Величествъ, и съ благодарностью къ „старостѣ“ и съ искреннимъ благоговѣніемъ принять рисунокъ съ изображеніемъ Ихъ Величествъ? Русскія газеты даже и не рискнули вслухъ задаться такимъ вопросомъ; но неуловимая для цензуры молва, а за нею и иностранныя газеты, явившіяся потомъ въ Россіи, для нѣсколькихъ прилегированныхъ, безъ вырѣзокъ, объяснили совершенно — въ чемъ дѣло. Молва изоблила цѣлую интригу, а иностранныя газеты сами вдались въ тотъ обманъ, въ какой вдался и министръ внутреннихъ дѣлъ — по крайней мѣрѣ, въ первое время. Оказалось на повѣрку, что благочестивѣйшій „староста“ и его друзья, не менѣе благочестивые, получили съ обѣда не только ту вышеупомянутую восторженную

телеграмму, отправленную Городскими Головами изъ Москвы въ Москву, но и подробную реляцію объ этомъ обѣдѣ отъ собственнаго соглядатая. Въ этой реляціи былъ помещенъ, на первомъ мѣстѣ, текстъ застольной рѣчи московскаго Городскаго Головы, почтеннаго и уважаемаго, какъ въ высшемъ правительствѣ, такъ и въ обществѣ, Б. Н. Чичерина.

Конечно, рѣчь у соглядатая была набросана карандашемъ, а потому, естественно, безгочестивѣйшая клика должна была привести ее въ порядокъ и „перебѣлить“; при близкомъ сосѣдствѣ по отелю съ министромъ внутреннихъ дѣлъ, вполне обработанный текстъ рѣчи былъ у него въ рукахъ, прежде нежели успѣло закатиться солнце 16-го мая, бывшаго свидѣтелемъ „ужаснаго событія“ — произнесенія „возмутительной“ рѣчи г. Чичерина, омрачившей все торжество коронаванія, и потому на слѣдующій же день. Вотъ, отчего такъ быстро могло явиться запрещеніе гласнымъ говорить объ обѣдѣ Городскихъ Голов. Текстъ этой „перебѣленной“ рѣчи былъ литографированъ для распространенія ея между „друзьями порядка“, съ цѣлью увеличить, если то еще возможно, ихъ ненависть и къ муниципальнымъ учрежденіямъ вообще, и къ московскому Городскому Головѣ въ частности.

дивительно, что „фальшивая“ бумажка попала въ руки и иностранных корреспондентов и была ими опубликована, съ надлежащими комментаріями. Недѣли черезъ три послѣ того, „Московскія Вѣдомости“, несмотря на то, что выше упомянутый запретительный циркуляръ не былъ отмѣненъ, однѣ позволили себѣ нарушить молчаніе о рѣчи г. Чичерина, и привели изъ иностранныхъ газетъ выдержки изъ нея, отчасти съ цѣлью набросить тѣнь на оратора, а отчасти для того, чтобы обрушиться на головы иностранныхъ корреспондентовъ, „разѣзжавшихъ въ казенныхъ кабинетахъ и получавшихъ содержаніе отъ русскаго правительства“, и тѣмъ не менѣе не обратившихъ должнаго вниманія на запретительный циркуляръ гр. Толстаго.

Но иностраннымъ корреспондентамъ было совершенно обманутся, послѣ того какъ содержаніемъ „перебѣленной“ рѣчи былъ обманутъ и самъ русскій министръ внутреннихъ дѣлъ, принявшій фальшивую монету за настоящую. Конечно, при извѣстной слѣпой неискренности гр. Толстаго къ земскому и городскому самоуправленію, онъ всегда охотно обременяется всякою клеветою на нихъ, и всегда несется недовѣрчиво только къ благопріятнымъ извѣстіямъ; но на этотъ разъ поддѣлка

была такъ груба и ясна, благодаря слишкомъ хорошо извѣстной личной репутаціи г. Чичерина, какъ консерватора, что обмануть министра можно было не иначе, какъ съ его согласія и при его страстномъ желаніи вовлечь въ такой же обманъ и самого Государя, съ тѣмъ, чтобы потомъ его именемъ свирѣпствовать противъ всякаго представительства иностранѣ; удовлетворяя своимъ личнымъ интересамъ и похотямъ, гр. Толстой стремится вообще при помощи самого самодержавія мстить самодержавію за ненавистныя ему реформы прошедшаго царствованія. Сказать мимоходомъ, наказаніе самодержавія, посредствомъ самого же самодержавія, за всѣ его прошлые тяжкіе „грѣхи“, составляетъ задачу политики гр. Толстаго, и та радость, съ которой онъ ухватился за фальсифицированныя рѣчи Чичерина, даже сознавая всю невозможность произнесенія такой рѣчи въ средѣ русскихъ Городскихъ Головъ, служитъ только показателемъ, что графъ не брезгаетъ никакими средствами для возбужденія самодержавія противъ всего, что сдѣлано имъ же самимъ, въ видахъ не одной пользы страны, но и своей собственной.

Интрига на первое время удалась вполне, если судить по слуху, явившемуся въ г.

тахъ о внезапномъ сложеніи г. Чичеринымъ
ваніи московскаго Городскаго Головы, среди
амаго разгара торжествъ и празднествъ ко-
ронаціи. Но вскорѣ, въ тѣхъ же газетахъ
оявилось описаніе городскаго праздника въ
Москвѣ, на которомъ Государь, какъ бы въ
роверженіе того слуха, былъ особенно лю-
езенъ съ г. Чичеринымъ и оказалъ ему боль-
ное вниманіе продолжительною бесѣдою съ
нимъ; всѣ разговоры объ удаленіи г. Чиче-
рина мгновенно прекратились; стоя недалеко
отъ этой сцены, мы замѣтили только то, что
министръ внутреннихъ дѣлъ весьма холодно
отвѣчалъ на поклонъ Городскаго Головы, но
ѣмъ не менѣе для г. Чичерина извѣстная
ословица: „жалуетъ царь, но не жалуетъ
сарь“ — не возымѣла пока никакихъ дур-
ныхъ послѣдствій.

Г. Катковъ ограничился, при всемъ этомъ,
однимъ зубовнымъ скрежетомъ. Рассказывали
въ Москвѣ, что въ тотъ же злополучный
ечеръ 16-го мая, сей доблестный мужъ, пре-
сполненный негодованія противъ г. Чиче-
рина, и искусственно воспаляясь злобою на рѣчь,
ивѣдомо и для него поддѣльную, — настро-
илъ грозную статью въ отвѣтъ этому, ими
е выдуманному Чичерину, и министръ вну-
реннихъ дѣлъ успѣлъ удержать этого гро-

мовержца и вмѣстѣ своего патрона, и умилостивить его только тѣмъ, что онъ-де уже запретишь всѣмъ газетамъ говорить объ этомъ обѣдѣ; появленіе статьи одного г. Каткова могло бы сдѣлать всю ихъ интригу секретомъ Полишинеля, — какимъ она, впрочемъ, теперь уже и сдѣлалась: едва ли и самъ г. Евгеній Богдановичъ вѣритъ въ настоящее время тому, въ чемъ онъ такъ легко убѣдилъ себя вечеромъ 16-го мая.

Дня два-три спустя, 19 мая, въ „Московскихъ Вѣдомостяхъ“ появилась, однако, передовая статья; она, очевидно, служила отвѣтомъ, но не на выдуманную, а на дѣйствительную рѣчь г. Чичерина, списки съ которой стали также ходить по рукамъ, въ Москвѣ, какъ и офиціальная ея поддѣлка. „Надуть больше кого бы то ни было — сдѣлалось затруднительнымъ, безъ опасности для самихъ клеветниковъ; — и вотъ, г. Катковъ выступилъ съ своею теоріею, предназначенною побить теорію г. Чичерина. Весьма любопытно сопоставить здѣсь эти обѣ теоріи, а потому помѣстимъ цѣликомъ всю злукубрацію „Московскихъ Вѣдомостей“, чтобы читатели могли вполне наглядно понять и оцѣнить катковскій консерватизмъ и консерватизмъ г. Чичерина.

„Совершившееся торжество, — говоритъ :

ковъ, — въ той силѣ какъ оно совершилось, о для нашего отечества необходимостію. Оно должно поднять и обновить насъ. Оно должно обозначить грань между прошедшимъ и новою открывающеюся эрой въ жизни Россіи. Оно, мы вѣримъ и надѣемся, положитъ начала, которыми опредѣлится дальнѣйшій ходъ нашей исторіи. Что ожидаетъ насъ, то скрыто для разумѣнія; но мы хранимъ веру въ Промыслъ насъ ведущій. Такъ или иначе мы должны выйти изъ затрудненій оставшихся намъ прошедшимъ, воспользоваться своимъ опытомъ и восполнить наши недостатки. Но все всего государственная жизнь наша страдала недостаткомъ единства въ правительствѣ, въ исполнительности и противорѣчіями въ дѣйствіяхъ. Между разными вѣдомствами одного и того же правительства шла глухая, но нерѣдко явная борьба. Учрежденія дѣйствовали наперекоръ и въ подрывъ одно другому. Лица во власти не рѣдко относились другъ къ другу какъ бы вожди вражескихъ арій, употребляя между собою всякаго рода коварныя хитрости. Вслѣдствіе этого, законодательныя и административныя мѣры выходили недостаточно соображенными съ потребностями ихъ вызывавшими, даже въ ущербъ имъ, бывало и такъ, что въ одно и то же

время, въ одномъ и томъ же отношеніи, правительство говорило и *да*, и *нѣтъ*. Вслѣдствіе этого, порождалось въ странѣ чувство правительственного безвластія, призракъ анархіи, всѣ озирались ища, чѣмъ и какъ восполнить недостатокъ правительства. Личныя самолюбія брали верхъ надъ очевидностію факта, надъ убѣжденіями здраваго смысла, и хозяйничали въ дѣлахъ государственнаго интереса. Воименію несправедливости совершались во имя требований правды. Противуправительственныя тенденціи поддерживались во имя правительственного авторитета. Печать стала органомъ всякой лжи и обмана, который даже не бѣзъ труда прикрывать себя. Школа стала не методомъ злоумышленной эксплуатаціи. Явилось такъ-называемый нигилизмъ, которымъ воспользовались враги Россіи, чтобы создать ту революціонную мистификацію, которая изумила міръ и причинила намъ столько зла. Прежде всего надо раздѣлаться съ этою язвой, — мы избавимся отъ нея немедленно, какъ только установится у насъ правительство совершенно солидарное, съ ясною программой, съ определенными цѣлями, и взглянетъ на все единственно и исключительно съ точки зрѣнія государственной пользы, здраваго смысла и требований своей, а не чужой жизни...

„Теперь, благодаря нынѣшнимъ великимъ торжествамъ, и для постороннихъ стало ясно, что русская революція есть призракъ. Сколько разъ свидѣтельствовали мы противъ этой клеветы на Русскій народъ*); сколько разъ обливали мы обманъ, который старался увлечь наше правительство на пути крамолы, подъ видомъ удовлетворенія потребностей народа; сколько разъ приходилось намъ оспаривать и нашихъ и иностранныхъ политиковъ, которые сознательно или безсознательно становились органами мистификаціи, убѣждая Россію отказать отъ самой себя и примкнуть своею громадой къ чужой системѣ, что могло бы имѣть своимъ послѣдствіемъ только ея разстройство и паденіе! Теперь всѣ наперерывъ спѣшатъ свидѣтельствовать о совершенномъ торжествѣ Русскаго народа и могуществѣ Россіи.

„Не только уличное мнѣніе въ Европѣ о Россіи измѣнилось, но и международныя отношенія къ этому времени поправились. Вотъ доброе знаменіе для будущаго. Даже Англія, которая всегда подозрительно относилась къ намъ и была нашимъ главнымъ противникомъ на Востокѣ, теперь предвидитъ возможность

---

*) А кто клеветалъ, какъ не самъ же г. Катковъ?!

добраго соглашенія своихъ интересовъ съ нашими.

„Но чтобы все это упрочилось, намъ необходимо ясно знать, чего мы хотимъ и чего мы должны хотѣть. Это требуется какъ для международной, такъ и для внутренней политики нашей. Чтобы сохранять миръ и имѣть успѣхъ, надо не ослаблять требованій національной политики, но здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ.“

Столько наговорить и не сказать ничего, не придти ни къ какому другому результату, какъ только къ тому, что молъ „надо не ослаблять требованій національной политики — но здраво разумѣть ихъ и бодро слѣдовать имъ“ — можетъ только г. Катковъ, такъ какъ для него вопросъ о „здравомъ разумѣніи“ національной политики вовсе не составляетъ вопроса: для г. Каткова давно уже рѣшено, что „здраво разумѣть“ значитъ — разумѣть по-катковски; а „бодро“ слѣдовать политике, для него лично, означаетъ продолжать бодро писать передовыя статьи. „Наша государственная жизнь, изрекаетъ г. Катковъ, страдает (при Александрѣ II) недостаткомъ единства и правительствъ“; но г. Катковъ оставляетъ не объясненнымъ, почему знаменитое „единство“

правительствѣ“ при Николаѣ I превратило Россію въ чугунный колоссъ съ глиняными ногами, что и оказалось на дѣлѣ въ Крымскую войну? Итакъ, значитъ, „единство въ правительствѣ“ само по себѣ не есть сила; оно дѣлается, дѣйствительно, силою, когда правительственное „единство“ опирается на общественное мнѣніе страны; при Николаѣ I оно опиралось на патріота Булгарина; теперь „Московскія Вѣдомости“ предлагаютъ правительству опереться на патріота Каткова, — результаты будутъ тѣ же. Если г. Каткову кажется, что при Императорѣ Александрѣ II было „единство въ правительствѣ“, то и онъ долженъ разумѣть только какъ отсутствіе какого-либо согласія тогдашняго правительства съ теоріями г. Каткова. Г-нъ Катковъ и не можетъ иначе понимать „единства въ правительствѣ.“ О настоящемъ „единствѣ въ правительствѣ“ нужно искать болѣе точныхъ объясненій именно въ рѣчи г. Чичерина: онъ не возвращаетъ насъ къ системѣ Николая I, съ Булгаринымъ во главѣ общественнаго мнѣнія, онъ не рассчитываетъ на какое нибудь улучшение отъ замѣны Булгарина Катковымъ, и указываетъ на единственно естественный и вѣчный союзъ правительства съ обществен-

ными силами страны, какъ на лучшее и правильное единство.

Г. Чичеринъ, приглашенный на обѣдъ обществомъ всѣхъ Городскихъ Головъ, какъ представитель города-хозяина, былъ потому поставленъ за обѣдомъ на предсѣдательское мѣсто и отвѣчалъ на привѣтствіе, обращенное к нему другимъ столичнымъ Головою, г. Глазуновымъ. Сколько мы могли разслышать, тербургскій Городской Голова выразилъ, имени всѣхъ присутствующихъ, признательность исключительныхъ заслугъ московскаго городского общественаго управленія, на долю котораго достался счастливый, но не легкій трудъ принять и угостить въ своихъ стѣнахъ Россію; и это было выполнено имъ превосходно, а потому г. Глазуновъ спѣшилъ, имени всѣхъ своихъ коллегъ, отблагодарить городское общество Москвы, предложивъ toast за здоровье его почтеннаго представителя. На это краткое привѣтствіе г. Чичеринъ и отвѣчалъ помѣщаемою ниже рѣчью. Текст печатается нами по снимку, снятому прямо с рукописи, которая была просмотрѣна ораторомъ, какъ намъ то засвидѣтельствовали заслуживающія полного довѣрія; всѣ при-

тствовавшіе на обѣдѣ единогласно подтвердили, что опубликованныя „Московскими Вѣдомостями“ выдержки изъ иностранныхъ газетъ, введенныхъ въ обманъ официальной поддѣлкою рѣчи г. Чичерина, есть наглая клевета — одно изъ вѣрнѣйшихъ орудій нашего времени. Но наглости г. Каткова нѣтъ преѣла: полтора мѣсяца спустя, 29 іюня, онъ на робкіе упреки газетъ, обращенные къ нему по поводу клеветы, пущенной имъ же въ ходъ противъ г. Чичерина со словъ иностранныхъ газетъ, разразился снова слѣдующею чисто-поздравскою „откровенностью“:

„Будемъ однако *откровенны* — восклицаетъ г. Катковъ („Москов. Вѣд.“, № 178): хотя мы объявляли рѣчь г. Чичерина выдумкой корреспондентовъ, а все-таки *внутренно* (!) остались въ недоумѣніи; не могла же эта исторія быть голою выдумкой!“ Въ переводѣ на французскій языкъ оговорка г. Каткова можетъ быть выражена такъ: *calomniez, calomniez — il en reste toujours quelque chose*; „рѣчь г. Чичерина есть-де выдумка, но не можетъ же она быть голою выдумкой!!“ Чувствуя шаткость подобной инсинуаціи, г. Катковъ прибавляетъ: „Скажемъ безъ обиняковъ и серіозно: рѣчь, произнесенная московскимъ Городскимъ Головою въ засѣданіи Думы, при вступленіи

его въ должность въ прошломъ году, заключаетъ въ себѣ *существенно тоже самое*; рѣчь эта не тайна; она была сказана предъ многочисленнымъ собраніемъ, потомъ напечатана правда, съ нѣкоторыми выпусками по требованію г. губернатора... Но г. Чичеринъ думалъ скрывать свою мысль: высказавъ публично, онъ энергически домогался, чтобы текстъ его рѣчи былъ напечатанъ *in-extenso*, въ чемъ отчасти и успѣлъ, отправившись въ Петербургъ“...

Итакъ, по признанію самого г. Каткова послѣдняя рѣчь г. Чичерина заключаетъ въ себѣ *существенно тоже самое*, что было сказано въ первой его рѣчи, которая и напечатана въ Россіи *in-extenso*. Почему же, въ такомъ случаѣ, послѣднюю рѣчь можно печатать только за-границей?.. Но напечатать въ Россіи значило бы поднять вопросъ о томъ откуда же взялась поддѣльная рѣчь, и изобразить всю стряпню, совершенную на кулуарахъ отеля „Дрезденъ“, въ Москвѣ.

Р. Р.

Рѣчь Б. Н. Чичерина,

16 мая 1883 г.

Прежде всего считаю долгомъ поблагодарить Васъ отъ души за ту высокую честь, которую вы мнѣ оказали, пригласивъ меня сюда своимъ гостемъ. Я этимъ обязанъ конечно не себѣ, а тому, что я состою представителемъ Москвы. Вы хотѣли почтить древнюю столицу, на которой всѣ мы, русскіе люди, видимъ нравственное средоточіе русской жизни. Какъ представитель Москвы, приношу Вамъ глубокую благодарность, и смѣю увѣрить, что если русскіе города чувствуютъ свою живую связь съ Москвою, то и Москва не менѣе живо чувствуетъ такую же связь со всѣми частями своего государства. Москва перестала быть мѣстоприваніемъ высшаго управленія, но она осталась главою русскихъ городовъ. Москва даже болѣе

чѣмъ городъ; Москва, это — все истинно-русское, приймае это слово не въ смыслѣ узкой и исключительной національности, какъ иногда его понимаютъ, а какъ начало широкое, всеобъемлющее, способное все въ себя воспринять.

Я счастливъ тѣмъ, что мнѣ довелось быть представителемъ Москвы въ эти торжественны дни, когда со всехъ сторонъ стеклись въ нее русскіе люди для всепароднаго праздника. Не могу выразить того глубокаго и отраднаго чувства, которое возбуждаетъ во мнѣ пытлине наше собраніе. Въ немъ есть что-то ободряющее и возвышающее душу. Я вижу передъ собою представителей русскихъ городовъ, пришедшихъ сюда съ противоположныхъ концовъ русской земли, изъ Перми, изъ Тавриды, изъ Риги, изъ Астрахани, изъ дальнихъ городовъ Сибири. Что же знаменуетъ это собраніе? Вынесемъ-ли мы отсюда только воспоминанія тѣхъ торжествъ, въ которыхъ намъ довелось быть участниками, или среди насъ, какъ искра зародится живая мысль, способная служить на общую пользу, и мы вынесемъ отсюда тепло и чувство, которое останется для насъ связью

будетъ поддерживать насъ въ нашей общественной дѣятельности?

Желательно, Мм. Гг., чтобы вышешее наше собраніе не прошло безслѣдно, чтобы оно было началомъ единенія земскихъ людей на пользу общества. Это единеніе составляетъ насущную нашу потребность. Мы переживаемъ трудныя времена. Мы принуждены оберегать, какъ зѣницу ока, то, что намъ всего дороже, самую святыню русскаго народа. Мы радуемся, когда день прошелъ благополучно, между тѣмъ какъ все должно быть исполнено довѣрія и любви. Россія въ настоящее время приходится вести борьбу уже не съ внѣшними врагами, а съ собственными своими сынами, посягающими на мирное и правильное ея развитіе. Всѣ мы алчемъ и жаждемъ заковнаго порядка, а есть ли возможность утвердиться законному порядку среди тѣхъ ужасныхъ преступленій, которыя наставили содрогнуться всю русскую землю? Тутъ приходится усиливать полицейскій надзоръ, облакать власти чрезвычайными полномочіями, приостанавливать законныя гарантіи свободы. Все остальное должно быть отложено до болѣе

благопріятнаго времени, когда намъ удастся осилить удручающее насъ зло. Съумѣемъ ли мы это сдѣлать?

Всѣмъ намъ, Мм. Гг., извѣстно, что это зло само по себѣ не такъ страшно, какъ оно кажется по своимъ послѣдствіямъ. Та партія которая производитъ всю эту смуту, весьма немногочисленна. Она вербуетъ изъ недоучившейся молодежи, сбитой съ толку и развращенной нелѣпыми ученіями. Что же дастъ ей силу? Единственно то, что она дисциплинирована, между тѣмъ какъ все остальное разрознено и разобщено. Одно правительство, очевидно, не въ состояніи справиться съ этою задачею. Оно можетъ дѣйствовать только внѣшними средствами, а внѣшнія средства безсильны противъ внутренней болѣзни: тутъ необходимо воздѣйствіе самого организма; нужно содѣйствіе общества. Возможность этого содѣйствія существуетъ; начало ему положено въ великихъ преобразованіяхъ прошедшаго царствованія. Но всѣ русской землѣ созданы самостоятельныя центры жизни и дѣятельности. Эти учрежденія наши дороги; мы видимъ въ нихъ будущность Россіи.

Но все это разрознено, а потому беспильно. Петръ Великій любилъ сравнивать тогдашнюю Россію съ „разсыпаною храминою,“ требующею зодчаго. Нынѣшняя, обновленная Россія подобна разсыпанной храминѣ, по въ от- дѣлѣ отъ прежней тутъ требуется не одна рука зодчаго: надобно, чтобы сами камни стремились собраться въ стройное зданіе. Старая Россія была крѣпостная, и всѣ матеріалы были стра- шными орудіями въ рукахъ мастера; ны- нѣшняя Россія — свободная, а отъ свободныхъ людей требуется собственная инициатива и са- мостоятельность. Безъ общественной самодеятельности, всѣ преобразованія прошедшаго царст- вованія не имѣютъ смысла. Мы по собствен- ному почину должны сомкнуть ряды противъ враговъ общественнаго порядка. А для этого необходимо прежде всего, чтобы люди узнали другъ друга, чтобы они обмѣнялись мыслями, чтобы они протянули другъ другу руку. Вотъ этому-то и можетъ служить нынѣшнее наше собраніе; въ этомъ смыслѣ я говорю, что оно можетъ сдѣлаться началомъ единенія земскихъ людей.

Пройдетъ немного дней — и всѣ мы вѣр-
разсѣмся по всѣмъ концамъ нашего обширнаго
отечества. Но если мы унесемъ отсюда соз-
нѣ общей связи и потребность совокупной де-
ятельности, ваше собраніе не исчезнетъ (с-
слѣдво. Духъ, Мм. Гг., не знаетъ границъ,
онъ связываетъ людей, раздѣленныхъ тысячами
верстъ, въ одно живое, органическое цѣло.

Таковы наши стремленія, таковы наши мечты.
Враги свободныхъ учрежденій, тѣ, которые
дѣятъ единственное спасеніе въ голомъ на-
власти, могутъ усмотрѣть въ нихъ опасность
— пожалуй, увидятъ въ этомъ пѣчто револю-
ціонное. Мы можемъ равнодушно взирать на
эти нареканія. Мы знаемъ, что насъ вооду-
шевляетъ одно доброе общее чувство, кото-
служить намъ связью, и которому мы гото-
жертвовать всѣмъ. Мы не становимся въ оппози-
ціонное отношеніе къ правительству — мы
не требуемъ себѣ правъ. Мы спокойно сущес-
даемъ, когда сама власть признастъ необходи-
мымъ наше содѣйствіе; но когда этотъ шагъ
послѣдуетъ — онъ не долженъ застигнуть
насъ въ располхъ: мы должны быть готовы.

И мы можемъ быть увѣрены, Мм. Гг., что пора этого зова не слишкомъ отдаленная.

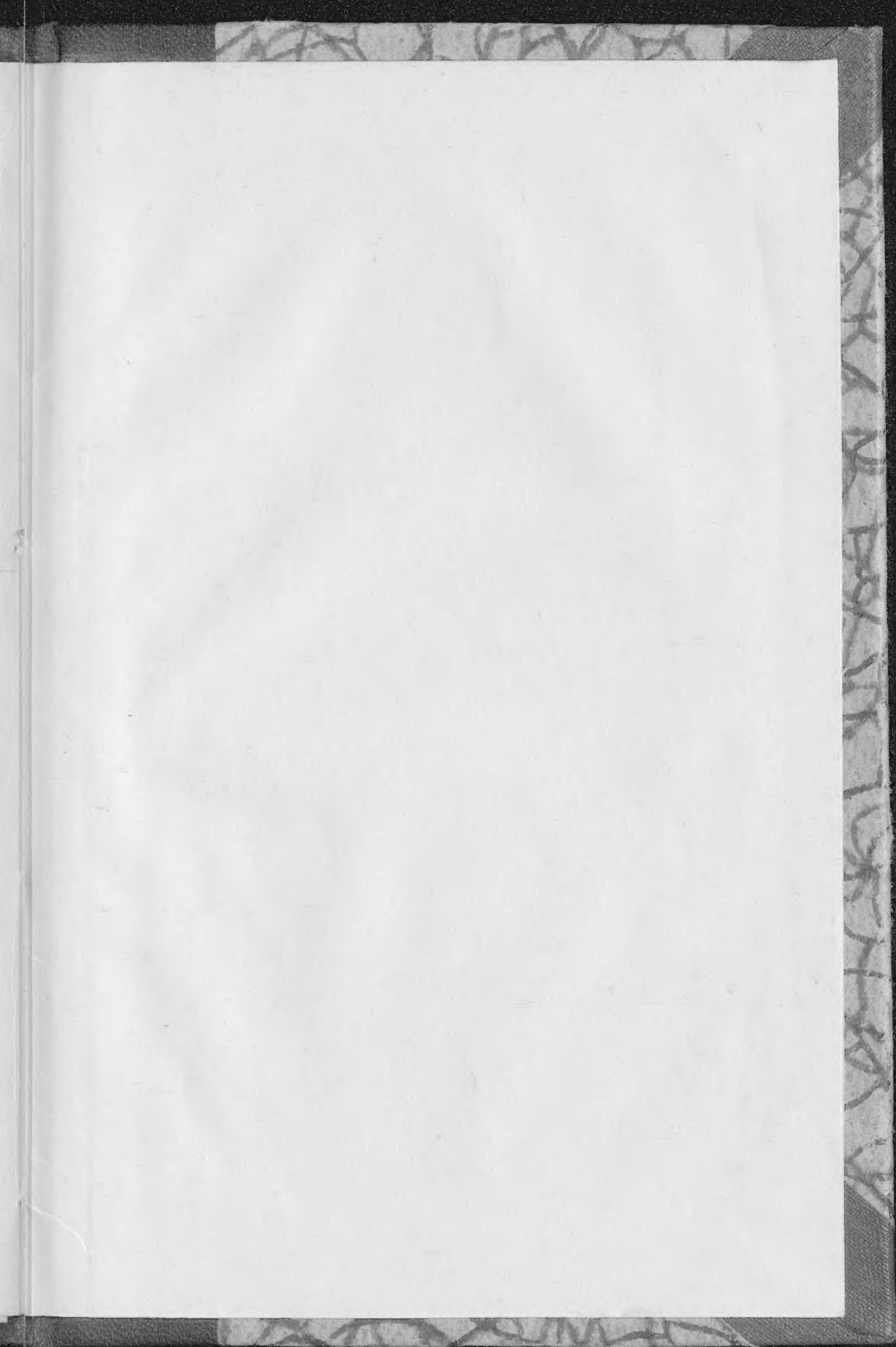
Ни внутреннее положеніе Россіи, ни положеніе Европы не обѣщаютъ намъ періода долгаго мира. Могутъ настать грозныя времена, которыя потребуютъ напряженія всѣхъ силъ земли русской. Но если эти времена застанутъ насъ соединенными, намъ нечего опасаться. Крепкая и неподушимъ своихъ сыновъ, Россія выдержитъ и бури, также какъ она выдерживала досель и постигавшія ее испытанія. И она явитъ новую повую силы духа, не только ту, которая возбуждается дѣйствіемъ сверху, но и ту, которая вызывается въ народѣ внутреннимъ, живымъ движеніемъ свободы.

Мм. Гг., я поднимаю бокаль за единеніе всѣхъ земскихъ силъ для блага отечества!

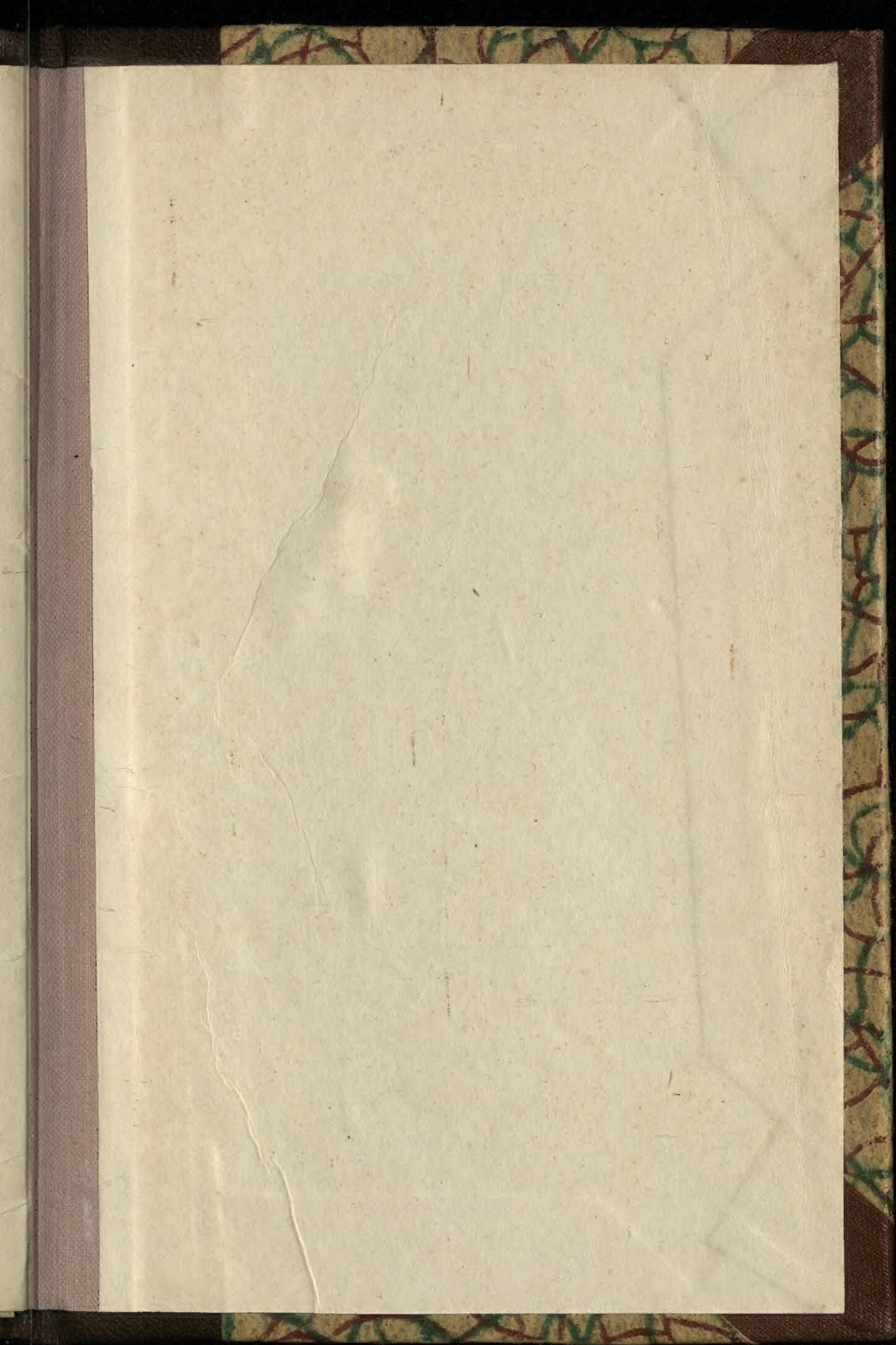

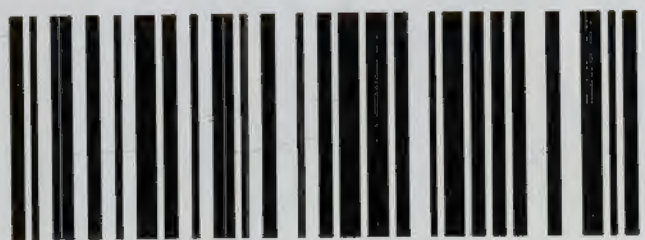

10/11/11

2020075350